

Серик Асылбекулы

18+

Отвести душу... по-казахски

Пьеса

Серик Асылбекулы

Отвести душу... по-казахски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52268481

SelfPub; 2020

Аннотация

Как изменилась жизнь обычных людей в отдаленных деревнях стран бывшего Советского Союза спустя 30 лет после развала коммунистического строя? В пьесе рассказывается история простого фермера, который в одиночку противостоит новой номенклатуре нового экономического порядка и размышляет о смысле существования человечества в целом. Что из этого вышло вам и предстоит узнать. Данное произведение получило Гран-при международного литературного конкурса «Рух» в Астане в 2017 году.

О чем эта пьеса?

Пьесы известного казахского писателя и драматурга Серика Асылбекулы, начиная с 1990 годов, регулярно ставятся на подмостках академических театров Казахстана и Киргизии.

Представляемая вашему вниманию пьеса «Отвести душу по-казахский», удостоилась главного приза (Гран-при) в номинации «Лучшее драматургическое произведение» на международном литературном конкурсе «Рух» в г. Астана в 2017 году.

В данном произведении, через коллизии настоящей жизни, демонстрируются события из жизни простого фермера – принципиального борца с местной бюрократией, не нашедшего поддержки среди своих близких и друзей и погрузившегося в безысходную печаль одиночества.

Таким образом, загнанный в социально-психологический тупик, наш герой предается размышлениям в поисках ответа на извечные вопросы со времен наших прародителей Адама и Евы:

В чем смысл нашего существования?

Зачем нужно стремиться к счастью, к познанию настоящей любви, в мире где политико-социальный строй подталкивает нас идти окольными путями, с легкостью одурачивая, обкрадывая друг-друга при каждом удобном случае и далеко обходя стороной горькую правду естества?

Да, возможно у каждого из нас найдутся свои ответы на

эти вопросы, а если даже у вас не припасены заготовленные ответы, в конце концов нам явно не избежать самих этих вопросов, учитывая наше происхождение в качестве разумного индивида.

В таком случае, мой дорогой читатель и зритель, приглашаю вас к совместному погружению в данные размышления в пьесе «Отвести душу по-казахский».

(Пьеса в двух актах и шести сценах)

Главные герои:

Комекбай – работник фермы, возраст между 44-45 г.

Рысты – жена Комекбая, возраст между 42-43 г.

Зибаш – молодка, продавец, примерно 35 лет.

Ермек – сосед Комекбая, примерно 45-46 лет.

Алайдар – одноклассник Комекбая.

Жанайдар – сын Алайдара, ученик 4-го класса.

Полицейский – участковый инспектор, примерно 32-33 лет.

Первый акт

Сцена №1

После полудня. Возвращающийся с работы Комекбай шагает размашисто, поднимается на крыльцо своего старенького дома, сложенного из сырцового кирпича, с серой шиферной крышей, сильно изъеденной солнцем и ветром и кое-где уже дырявой. Перешагивая через порог коридора, он задевает ногой самоварную трубу, стоявшую за дверью, и едва не падает. Труба с жестяным грохотом отлетает в сторону

на несколько метров. В глаза бросается то, что сегодня коридор не прибран: там и тут покоятся два или три пластмассовых таза разной величины, помятая фляга для воды с комками грязи по бокам, повсюду беспорядочно разбросана разномастная обувь для выхода во двор. И этот неприглядный вид дома еще сильнее злит Комекбая, без того раздраженного, еле сдерживающего приступ гнева.

Комекбай. Почему до сих пор все это не прибрано?! И каждый раз так, словно после вражеского погрома! Полный бардак! Ырысты! Ырысты! кому говорю!..Ырысты!

Комекбай, оставив обувь в коридоре, входит во внутренние помещения дома. В передней комнате на диване лежит богом данная супруга Комекбая, Ырысты, лицо ее было слегка отекавшее, цветастый шелковый платок немного сполз с головы на загривок женщины.

Ырысты. Что стряслось-то?

Комекбай. Куда ты там запропастилась?

Ырысты. Как это, куда? Дома я! Вот... только прилегла, вздремнуть немного...

Комекбай. Эээ, вечно ты сонная, не отоспишься никак! Тебе хоть потоп, лишь бы дрыхнуть. Вечер на дворе, ужинать когда?! Чайник хоть поставь! Иди сюда, разговор есть ...

Ырысты. Ну, говори ты уже...

Комекбай. Поближе подойди, говорю!..

Ырысты. Ойбай*, бог ты мой, ну вот, подошла !..

*[Ойбай – возглас недовольства]

Комекбай. Все, переезжаем! Начинай собираться. Вконец достал этот Кентуп -Мухосранск... пропади он пропадом!.. Ни минуты тут больше не задержимся!..

Рысты. О чем ты? На пороге зима, первые заморозки на носу!

Комекбай. Какие такие заморозки, что за заморозки, а-а? Второе ноября только!..

Рысты. Ну и что?! Не успеешь и глазом моргнуть, как декабрь налетит с его метелями. Не зима по твоему что ли?!

Комекбай, вешавший в это время куртку на настенную вешалку, зло вытаращив глаза, бросает на женщину многозначительный взгляд.

Комекбай. И когда ты бросишь эту свою дурацкую привычку? Стоит мне только разговор серьезный затеять, как ты тут же – буром идешь против меня. По другому не умеешь! И вообще!! Кто в этом доме мужик – я или ты?

Рысты. Ойбай, ты, ты-конечно! Что случилось-то? Объясни по нормальному, в конце концов!..

Пауза. Комекбай переводит дыхание, немного обмякнув телом, подходит к корнешке на торе*, садится, выпятив грудь, по-турецки скрестив ноги.*

**[Корнешка – одеяльце]*

**[Тор – самое почетное место в комнате]*

Комекбай. Есть коже*?

**[Коже – охлажденная похлебка на кефире]*

Рысты заходит в чулан, наливает из эмалированного вед-

ра в тшалу рисовое коже и приносит мужу. Подавая мужу тшалу, она еще раз, выкатывая глаза, внимательно заглядывает в зрачки мужу, словно допытываясь чего-то.

Рысты. И что?

Комекбай. А то, вконец я разосрался с этим подлецом Ниетали, – назад дороги нет. Дело в том, что за сданные накануне в кооператив 2 машины картошки, 6 тонн тыквы, 3 машины арбузов и дынь, – за все это! – Он, протягивает мне жалкие 120 тысяч тенге, и глазом не моргнет при этом. «И это все?..», – спрашиваю я. «Да!.. Все!.. Остальное ушло на оплату транспорта, перекупщикам, то есть спекулянтам, на налоги, ну и там-сям», – говорит он. Ну, теперь скажи, разве это не грабеж среди белого дня? Я не выдержал, ну и начал крыть его матом! Пропади пропадом его кооператив, товарищество! Выйду из всего этого! В общем, если мы не уберемся из этого аула, то в один прекрасный день – отдадим концы! Уезжать надо! Поняла?

Рысты. Надо было пригрозить, что обратишься к начальству, к акимам* этим... Что напишешь жалобу.

**[Аким- глава района]*

Комекбай. Думаешь, не грозил?.. Он только усмехнулся: «Обращайся к кому хочешь, хоть к черту лысому!» Или ты думаешь, что этот плут не знает, что ворон ворону глаз не выклюнет. Все они заодно! Короче говоря, на этом разговор закончен! Переезжаем!

Рысты. *(Недоуменно причмокнув губами)* Да куда же, род-

ненький?! Где эта земля обетованная?!

Комекбай. Куда глаза глядят!.. Работу надо искать, чтобы детей прокормить. Я же тебе казахским языком говорю, объяснил все, разжевал уже, дальше некуда! Уезжать надо – не то с голоду помрем.

Рысты. И., кто нас где ждет, с распростертыми объятиями?!

Комекбай. Вот опять! Все время против перечишь! Кто в этом доме хозяин, ты или я? Кто?!..

Рысты. Ойбай, ты конечно, ты! ... Только вот скажи: куда мы сейчас пойдем бродяжничать, с пятью малыми детьми, оставив теплое местечко... вот-вот заморозки ударят! А там, в той стороне, кто нам даст кров, хоть пристройку какую? Дрова, еду, воду? Не можешь найти общий язык с Ниетали – выйди из товарищества. Займись бизнесом, или как это... стань опять фермером.

Комекбай. Да я уже все перепробовал, и частный бизнес, и фермерство. Не от хорошей же жизни вошел в это товарищество на этого пса Ниетали батрачить. Куда не пойдешь – везде одно и то же – оберут до нитки. Переедем в Майлыбас. Устроюсь на работу на железную дорогу. Начальник станции, немец кажется. У него пойдем искать защиты. А наши казахи, готовые живьем проглотить верблюда, и нас с говном сожрут. Знаешь, у казахов никогда справедливости не ищи!

Рысты. А на железной дороге думаешь работа есть? Алайдар недавно говорил и там начались сокращения. Мно-

гие остались без работы.

Комекбай. *(Немного придя в себя, бормоча потерянным голосом)* Ну... что-нибудь придумаем...

Рысты. Нет родной!.. Хочешь – езжай сам. Я отсюда ни шагу не сделаю. Разве не перебрались мы из Екпинди в Кентуп семь лет назад? Тогда ты также рвался в дорогу, обещая, дескать, «Ойбай, переедем в Кентуп, там наша родина, там одни родственники, и работа есть, производство растет». И там, в Екпинди, ты тоже схватился с начальниками. Неужели ты не можешь жить спокойно, как все другие нормальные люди?

Комекбай. Я же схватился с ними не от делать нечего. Они же нам житья не дают. Скажи сама, что такое сто двадцать тысяч тенге, когда везде такие цены!? Этого хватит нам на месяца два. А дальше? На что жить нам остальные десять месяцев?

Рысты. Ну, тогда продолжай в том же духе – сражайся со своими ветряными мельницами. Хватит лишних слов, и точка!.. Я с этого насиженного места никуда не двинусь. Ты думаешь переезжать легко? Нет бы, жить себе тихонечко, все время так! – с головой нырнешь в какую-нибудь бедовую проблему и ходишь потом, как чумной. Живут же другие нормальные люди в нашем ауле, тихо и спокойно – никого не трогают.

Комекбай. И что же, выходит по-твоему, – нужно всем нам закрывать глаза на творящиеся перед носом несправед-

ливость, мошенничество, коррупцию? А где человечность, где совесть? Где?! Или все это уже никому не нужно? Если так – то в один прекрасный день, как ты выразилась, все тихо и спокойно загниет и само по себе сгинет. Ты может слышала выражение: «Скрывающий болезнь обречен на гибель». Ты же образованная женщина, закончившая все десять классов.

Рысты. Если суждено умереть, да, сгину! Тебе какое дело? В конце концов, ты даже спокойно умереть не дашь. От тебя все можно ожидать! Борец за справедливость!

Комекбай. Ладно, говори, что хочешь. Я все равно не буду молчать! Всю правду в лицо им выскажу! Если все это терпеть, мы вместе с ними сгнием и сгинем в небытие. А все общество прогниет и протухнет.

Рысты. (*Разозлившись*) Протухнет, так протухнет! Говорят же: «На миру и смерть красна»!

Комекбай. Это психология рабов. А общество рабовладельцев осталось далеко во тьме истории. Даже эпоха феодализма ушла в незапамятные времена. Ну-ка, скажи, в каком веке мы с тобой живем? Правильно: в XXI веке! Как говорится, в веке гуманизма, когда демократия и плюрализм широко расправили крылья на весь мир!

Рысты. Хавтит, бросай морочить мне голову своими фантазмагориями, «демократия-семократия», заученные из газет-журналов, вон пачками валяются по углам нашего дома. Эти газеты и журналы тоже как зараза прилипли к этой бедолаге. Вот эти столичные журналисты, которым делать

больше нечего, всякую ерунду придумывают и строчат, строчат себе невесть что. И как не устают – не пойму? А что, – если обут, одет, живот набит едой, конечно, есть с чего с жиру беситься. Почем зря будоражат тихий народ.

Рысты переходит в наступление, наседая на поникшего Комекбая, потерявшего уверенность в своей правоте.

РЫСТЫ. Тебе, трактористу, провонявшему соляжкой и солидолом, что нужно, а? Газеты и журналы? Пусть газеты и журналы читают писатели, журналисты, академики – сакадемики, ученые, которых пруд пруди в столице! Они за это деньги получают от государства. А тебе-то что? Как писателям, академикам, тебе кто-то платит за это? Тоже мне, нашелся! «Пулымберизм*, пулымберизм» – лопочешь с утра до вечера, только бесишь всех. О чем эти слова? «Пулымды бер»!

**/Пулымберизм – казахская ироничная транслитерация слова плюрализм/)*

**/[Пулымды бер – отдай мою долю/)*

Комекбай. Да, все твои мысли только о деньгах. А как они приходят, честным путем или грязными дорожками, – твоя голова об этом не болит. А плюрализм – это учет разных мнений. Проще говоря, это означает, что и простой рабочий Комекбай, и домохозяйка Рысты имеют равное право высказать свое несогласие со словами начальника Ниетали. И только тогда, благодаря учету различных мнений, в обществе, государстве восторжествуют истина и справедливость.

Рысты. А хрен тебе!! Да чтоб твои предки в гробу перевернулись ! Ну-ка, скажи, где, в какие времена, в какой стране восторжествовали истина и справедливость так, что был рай на Земле? Ту историю, которую ты зазубрил, я тоже учила в школе. Вон в сундуке пылится аттестат о завершении среднего образования – ни на что не годный. Все из-за тебя, твоего тупого упрямства!..

«Малышка! Милашка!» – как ты увивался вокруг меня, не отставая ни на шаг, и я, словно птичка, загипнотизированная змеем, следовала за тобой, не смея перечить, начинать свое дело, свой путь. Бедная я!.. А ведь какие кавалеры ухаживали за мной, они были так влюблены в меня. Вот, оказывается как, мы -женщины в юности зачастую бываем глупыми и наивными.

Комекбай. В самом деле?!

Рысты. Да, именно так!

Комекбай. Кто это ухаживал за тобой, да еще и был влюблен в тебя?

Рысты. Зачем тебе это?

Комекбай. Мы тоже хотим знать. Все-таки живем с тобой уже лет двадцать.

Рысты. Да брось ты, не морочь голову!

Комекбай. Кстати, ты сейчас помянула моих предков, аж в гробу их переворачивала? Значит, тебе мало было хаять меня, и ты до моих дедов добралась? Скажи, какая их вина?

Рысты. Самая прямая.

Комекбай. Ну...

Рысты. Ну, тогда слушай, внимательно, раз спрашиваешь! Если бы они вели праведную жизнь, то в этот греховный мир не явился бы такой упертый человек, как ты, любитель газет и телевизоров, мечтатель хренов. И тогда ни у меня, ни у твоих пятерых детей не болела бы голова, как жить дальше?

Комекбай. Ты все высказала?

Рысты. Тебе этого мало?

Комекбай. Ну, тогда дай мне тенге 700-800.

Рысты. Зачем тебе?

Комекбай. У меня все горит внутри, из-за позора и печали, в который вы на пару с Ниетали ввергли меня сегодня, схожу в магазин, возьму водки и утоплю свое горе. Душу отведу...

Рысты. Нет у меня ни копейки! Сколько месяцев прошло, как ты перестал приносить домой ни гроша? Вот уже три месяца, как мы еле-еле тянем на пособие детей. А он, видите ли, бедненький, хочет залечить горе и печаль!.. Только вот твоя печаль, как я понимаю, никак не кончится! Тебе просто нужен повод, просто умираешь от нетерпения, чтобы скорее увидиться с этой продавщицей, шалавой Зибаш! Если в один прекрасный день застану вас обоих за вашими утехами – все волосы повырываю и засуну их кое-куда! Вот увидишь – прилюдно опозорю! Посмотрим потом, хватит ли у вас совести смотреть в глаза людям? Просто никак не могу

выследить вас к сожалению.

Комекбай. Ого, куда тебя занесло? Поверила в злые сплетни глупых людей, и теперь бесишься. Оллахи-биллахи, поверь, между мной и Зибаш никогда ничего не было и нет!

Рысты. Поверить?! Тебе?! Вы только посмотрите-ка на этого ангелочка! Поверь мне – говорит еще! Ты, оказывается, не ночевал дома в тот день, когда я поехала на сватовство к Жарыкбас ага в Кызылкайрат. И где ты пропадал в ту ночь? Глаза бы мои не видели тебя, котяра похотливый!..

Комекбай. Кто тебе такое наплел?

Рысты. Кто наплел?– спрашивает еще, бессовестный! Кому надо тот и наплел! Или ты думаешь, что кроме вас двоих все ослепли вокруг? Иди, иди к своей шлюшке, излей свою печаль. Положи свою голову на ее белые ляжки, проливай свои жалкие слезы. Кобель!..

Комекбай. Эээ, потише, не плачусь я там по бабам всяким!

Рысты. Иди, иди, изливай, кому хочешь. Только не заявляйся пьяным среди ночи, чтобы изводить меня. Посмотри на старших своих детей, один уже джигит, другая – девушка уже хоть замуж выдавай. Их бы постеснялся!

Не зная, что и как отвечать своей богом данной супруге, Комекбай вскакивает. Он стоит в полной растерянности, потом в сердцах машет рукой, срывает с вешалки свою куртку, хлопает дверью, нащупывает в коридоре ботинки, приминая задники обуви, кое-как надевает их, и сразу же на-

правляется к магазину, который находится в центре аула.

Сцена №2

Комекбай заходит в продуктовый магазин. За прилавком стоит привлекательная молодка, вся белая, гладкая, ухоженная. Она встречает его, как старого знакомого. Белый халат на ней и снежно-белый, крахмаленный колпак на голове придают ей особенно нарядный вид.

Комекбай. *(приблизившись к прилавку, немного вялым голосом).* Салем*...

**[Салем – Привет]*

Зибаш. *(расточая теплую улыбку)* Салем-салем!.. Что-то ты совсем без настроения? Не заболел случаем?.

Комекбай. Да-нет... Просто голова немного...

Зибаш. Ааа, принял на душу с кем-то вчера?

Комекбай. Нет, откуда...

Зибаш. *(Подойдя к Комекбаю, погладив его по лицу красивыми, белыми пальцами)* Смотрите-ка, как щетиной оброс. Колючая... Побрейся. А то... немного на старичка смахивать начинаешь.

Комекбай. *(Оживляясь, приходя в себя, поглядывая на большое зеркало, висевшее на стене за витринами).* Неужели... прям таки на старичка?

Зибаш. Шучу. Ты же султан джигитов, в точности как Бред Пит. Ты же знаешь, Зибаш не станет заглядываться на простоватых мужичков.

Комекбай. И все же, лет через десять или пятнадцать, и

в самом деле, стану стариком, и тогда ты перестанешь обращать внимание на меня?

Зибаш. Даже если ты станешь изможденным старцем, все равно буду любить только тебя. Потому что ты хороший, у тебя душа светлая. В тебе есть то, что вижу только я, и что никогда не разглядит твоя бестолковая Рысты.

Комекбай. Рахмет*, душа моя. Как хорошо, что ты есть на свете. Иначе...

**[Рахмет- Спасибо]*

Рысты. Что иначе?

Комекбай. Иначе... эта жизнь потеряла бы какой-либо смысл. Иногда даже не знаешь, ради чего существуешь на свете. В общем, какая-то бесконечная суета и беготня, никогда не прекращающаяся.

Зибаш. Не говори так! Живи, хотя бы ради меня. Кстати, сможешь заглянуть ко мне сегодня вечером? Женисжан сейчас на каникулах, уехал на неделю к деду.

Комекбай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.